

Марина Дмитриева

Я вовсе не собираюсь рассказывать, как это делалось когда-то: это и мне не интересно, и публике ни о чём не скажет. Но мы стараемся передать аромат того времени — в красках, в движении, в драматургии, в световом дизайне.

Мы получили от прошлого информацию и вдохновение, но работаем-то мы в настоящем!

❷ Как дирижёр и музыкальный руководитель постановки Валерий Платонов отнёсся к вашим идеям?

— Поначалу были сложности. Но он — очень открытый человек, благодарно прислушивающийся к новым идеям. Я показала ему работу Булычёвой, и он оценил блестящее исследование. Мы часто спорили, но всегда могли найти общее решение. Я старалась максимально избавиться от музыки, написанной после смерти Бородина его коллегами Римским-Корсаковым и Глазуновым. Да, они сделали оркестровку, и это нормально, но в опере есть композиции, которые полностью принадлежат им, а не Бородину. Я старалась эту музыку исключить, но бывали случаи,

ВСЕ АРТИСТЫ ОКАЗАЛИСЬ ОЧЕНЬ ОТКРЫТЫМИ, ОЧЕНЬ РАСПОЛОЖЕННЫМИ К МОИМ ИДЕЯМ, ХОТЯ ПОНАЧАЛУ МЫ БЫЛИ ДРУГ ДЛЯ ДРУГА СУЩЕСТВАМИ С РАЗНЫХ ПЛАНЕТ

когда маэстро Платонов отказывался исключать какие-то фрагменты и я соглашалась, потому что публика ждёт эти композиции. Например, трио Игоря, Кончаковны и Владимира.

Моя задача вовсе не шокировать публику, ведь я уважаю ожидания зрителей.

С другой стороны, маэстро Платонов сам предложил кое-что исключить, например увертюру. У нас нет увертюры, потому что её написал Глазунов.

И кстати, мы не только вырезали какие-то фрагменты, но и добавляли. В исследовании Булычёвой есть музыка, написанная Бородиным, которая не вошла в окончательную редакцию, сделанную Римским-Корсаковым и Глазуновым. Пермская публика, например, впервые услышит новый монолог Игоря, который мы взяли у Булычёвой, совершенно новую сцену восстания князя

Галицкого, которая никогда не игралась на сцене. Это нечто совершенно новое.

❷ Как вы поступили с половецкими плясками?

— Да, была проблема. В репертуаре здешней балетной труппы уже был этот номер в хореографии Фокина, которая была сделана в начале XX века. Это законченная балетная миниатюра, не имеющая никакого отношения к нашей опере. Было очень трудно интегрировать этот эпизод, потому что он требует большого сценического пространства, а у нас на сцене ещё и певцы. К тому же это совершенно иная эстетика. Мне очень хотелось создать новую хореографию в историческом ключе, как я это делала с барочными танцами. Но на это не было ни времени, ни возможности, ни средств, и мне объяснили, что перм-